

Олег ЕФРЕМОВ:

Мне многое делается неинтересным, КОГДА НЕЧЕМ ДЫШАТЬ...

Накануне обследования во французской клинике народный - и тяжелобольной - артист встретился с обозревателем «Комсомолки»

Олег Ефремов, любимый артист России, возглавляющий Художественный театр имени Чехова, тяжело болен. Эмфизема легких, пневмосклероз, «легочное сердце» - все, связанное с дыханием. Встретил в прихожей и сразу вернулся к аппарату, через который должен дышать 15 часов в сутки: постоянная, только чуть ослабленная кислородная маска.

Он уже собирался лететь в Швецию, решив, что пойдет на трансплантацию органов, да знаменитый хирург-легочник Перельман отговорил: эти операции делают до 65, при том, по его выражению, легче человеку голову заменить, чем легкие и бронхи.

Мы разговаривали накануне отлета Ефремова во Францию - Перельман сказал, что там лучшая медицина по этой части. Характер прежний. Острые глаз также.

- Ты еще куришь?..
- Иногда. Нервы, нервы, нервы.
- Мне показалось, ты сохраняешь мужество и спокойствие. Или срываешься?
- Когда дураки, я думаю, всякий нормальный человек срысается.
- Дураки откуда не денутся.
- Что делать.
- Как ты смотришь на себя самого?
- Я смотрю, чтоб выпарапать хоть какую-то надежду. Вот и все. То есть при- выкнуть можно, и 15 часов дышать через аппарат, как я должен дышать. Я сплю с этой штукой, потом еду в театр - там другая штука, которая наполняется кислородом, можно беседовать и даже репетировать. Ну, трубки в носу. Но любое физическое напряжение вызывает одышку, это очень

неприятное ощущение, я тебе скажу, когда ты задыхаешься. Мне многое делается неинтересным. Ну, давай, ты о политике пришла поговорить?
- Сомерсет Моэм лет в 40, кажется, написал книгу «Подволя итоги». После чего жил до 90. Я пришла поговорить...
- О Моэме? Давай. (Хитрый глаз).
- О тебе. Удовлетворен ли ты жизнью, какую прожил? Был ли счастлив?
- Понимаешь, все это понятия счастья- несчастья - это несерьезно.
- А что серьезно?
- Серьезно вот это: ведь и эмфизема, и остальное складывается гораздо раньше. Сейчас бы я этого не допустил. Потому что понимаю, что самое ценное - это здоровье. Вот и все. Я жил всегда достаточно активно. В этом, может быть, характер. Я и пил достаточно серьезно. И курил, конечно. И все остальное...

- Про остальное чуть позже...
- Нет, я не Андрон Кончаловский...
- А я не собираюсь спрашивать имена. Но ты всегда жил богато...
- Не в смысле денег, конечно. Я жил интенсивно. И главным всегда было дело.
- Все вокруг театра.
- К сожалению.
- Почему к сожалению?
- От этого в кино многие роли были сыграны моими любимыми коллегами, потому что я не мог сниматься. Ну слава Богу. Но сейчас, когда идет пересмотр всего, хочется подражаться, а нездоровится. Театроведение в жалком виде.
- Тебе это так важно?
- Я же театром занимаюсь!
- Ну и что? Книжки о тебе уже написаны.
- Меня не это волнует. Меня волнует единый общий процесс. И когда или не понимают, или принцип - булавку куда-нибудь воткнуть... Хотелось кого-то защитить, что я делал всегда. Но сейчас я в таком промежутке. Иногда совсем плохо. Думал уходить из театра. Но они мне объяснили, что в конце концов важно, что я там есть.
- Кто они?
- Театр.
- Последнее, что ты сделал - «Три сестры»? Я плакала на

Олег Ефремов и Михаил Горбачев. Совсем недавний снимок.

нем. И была счастлива. За себя как за зрителя. И за тебя как режиссера.
- Спектакль, который раскрывает Чехова побольше, чем предыдущие. По сути дела, сила здесь, я все равно руковожу театром. Кто-то слышит... а кто-то нет...
- Как это организовано? К тебе приходят люди? Или ты ходишь?
- Никуда я не хожу. Ко мне. Единственный раз меня одели и довели до Лужкова. После этого я сажусь в машину и говорю

«Я все думаю: где же она, жизненная сила! Не могу я без нее! Я всегда был в определенном тонусе. Я и сейчас думаю: надо поддаться. Хотя знаю, что потом будет»

шоферу и Славе Ефимову, директору театра: слушайте, братцы, давайте съездем посмотрим со стороны берега стрелку, где когда не видел!..
- Где Рублев?
- Ну конечно! А я не был! И еще хотел посмотреть со стороны берега стрелку, где Шатров (известный драматург. - О.К.) бизнесом занимается...
- Фирма «Красные холмы»?
- Он давно хочет меня туда отвезти. И вообще предлагает целый театр: бери... Я посмотрел со стороны: такие солидные здания. И монастырь посмотрели. Так что в будущем, если я смогу, конечно, то Рублева там буду смотреть обязательно!
- Я думала, ты скажешь: театр открыл!
- Нет, тут достаточно работы. Может быть, я еще выпущу спектакль. «Сирано». Могу тебе сказать почему. В память Юрия Айхенвальда, это его перевод.
- Вы дружили?
- «Дружить» - трудное слово. Но мы были очень знакомы.
- В память «шестидесятников», тех лет?
- В память его.
- Над Художественным сейчас какой-то туман, и из этого тумана доносятся голоса, что надо бы уже театр отдать кому-то другому. Как ты к этому относишься? Страдаешь?
- Я плую на это. Потому что, во-первых, это исходит от меня. Во-вторых, почему-то Художественный театр имени Чехова особенно интересен критиков: если какая-то гадость, с удовольствием ее разжируют. Потом они могут наоборот...

ство, надо - «работа». Ты в это время не фиксируешь: то-то и то-то, но это и есть процесс анализа и самоанализа.

- Бог тебя наделил обаянием. Ты, красивый, источаешь необыкновенное обаяние, ни одна женщина не могла пройти мимо. Как ты думаешь, почему у тебя не было одной женщины - почему их было много?
- Да не так много, во-первых...
- Ты очаровывался?
- По-разному было. Я не люблю вульгарных женщин. Это может быть совершенно простая женщина, но я говорю об отношении к вещам... Это сразу меня отвращает.
- Любил нежных? Ярких? Интересных?
- Очень разные все. Когда говорят: незримых нет - это неправильно. Да, руки, ноги, все одинаково, но то, что мы называем душой... хотя ее нет...
- Души нет?

- Есть наше сознание. Мозг - в нем всякие завадки, их никак не поймешь.
- В тебе была масса душевных запасов, ты тратил себя очень мощно...
- Тратил. Может, поэтому мне так тяжело. Я все думаю: где же она, эта жизненная сила, я без нее не могу! Не могу я без нее! Я всегда был в определенном тонусе. Я и сейчас думаю: надо поддаться. Хотя знаю, что потом будет. Тут-то я уже все знаю. Олечка, выключи, я забыл выключить аппарат, а он забирает у нас с тобой кислород из воздуха...
- Скажи, у тебя никогда не было мысли, что эта болезнь, которая подкралась, как расплата за что-то?
- Да. За неправильный образ жизни.
- Грехи наши тяжкие?

- Нет, у меня нет грехов. Потому что для меня первый грех - предательство. Про убийство не будем говорить, а вот такой житейский... Таких вещей не делал.
- То есть спишь хорошо?
- Со сновидениями, да.
- А твой сын, что он для тебя?
- Это так меняется! Я люблю его несомненно, но он бывает иногда такой...
- Эта история в театре, когда он поднял руку на пожилого человека... Он в театре не работает?
- Я могу это взять на себя, но я не иду на это.

- Я помню, как он вышел первый раз на сцену маленьким, лет в 11 - 12, в пьесе Володарского, и все остальные актеры показались деревянными, настолько он был органичен...
- Я уговаривал его вернуться в театр как актера. Но он, понимаешь, судится с МХАТ!.. Это длинная история, не хочу говорить.

- Он тебя любит?
- Говорит, что любит. В интервью, журналистам.
- Сколько у тебя внуков? Родственные отношения играют в твоей жизни серьезную роль или второстепенную?
- Второстепенную, к сожалению.
- С твоим отцом у тебя были отношения не второстепенные?

- Да. Он прожил долго, 94 года.

- В детстве, наверное, такой близости не было, как в старости?

- Естественно. Получалось так, что он уезжал до войны, после войны. Работа такая. Наш общий друг Егор Яковлев (редактор «Общей газеты».

- О.К.), когда был избран секретарем райкома комсомола, первым делом позвал меня к себе, на улицу Чехова, пошел к сейфу, раскрыл его,

достал оттуда несколько листиков и говорит: вот мой первый подарок. Это были доносы на меня. И на отца. Про него написали: буржуазный недобиток. Он окончил экономический, потом институт легкой промышленности, был чуть ли не замарком легкой промышленности, но ушел где-то в 30-х годах. До сих пор помню название учреждения, где он работал в плановом отделе: Ростеклофарфорторг. Мы жили довольно бедно. Хотя и в престижных арбатских переулках: угол Гагаринского и Староконовского. В доме 19.

- Это серьезный, громадный? Там потом Никита Хрущев жил, когда его прогнали. А я жил за углом, первый подъезд. Напротив пивная. А наискосок вроде районная баня. Так вот, Никита не любил душину, он ходил в эту баню. А после поворачивал и шел в пивнушку. Все расступались...

- Откуда ты знаешь?
- А я с балкона смотрел. Третий этаж, все видно. Он выпивал кружку пива, отходил, а вслед ему такая реплика: ни х... мы тебя еще и политуру пить научим!.. И это все правда. Хотя и не поверишь. Вот так мы жили. Квартира-коммуналка, но жили только старые большевики. Я помню, когда в газовой колонке жили вырванные странички книг, там, где «враги народа»...

- Почему ты пошел в актеры?
- О, вот это интересно! Об этом можно книжку писать! В Мало-Власьевском переулке стоял особняк Лужского, третьего основателя МХАТа. Его после революции немножко уплотнили, две громадные

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Ефремов Олег Николаевич. Родился 1 октября 1927 года в Москве. В 1945-м пошел учиться в Школу-студию МХАТа, которую и окончил. В 1956-м основал театр «Современник», ставший событием в общественной жизни Москвы. В 1970-м, уйдя из «Современника», возглавил Художественный театр. Последний позднее разделился на Театр имени Чехова (Олег Ефремов) и Театр имени Горького (Татьяна Дороницина). Сыграл множество ролей в театре и кино, осуществил множество театральных постановок, начиная от Володина и кончая Чеховым. Народный артист СССР. Сын Михаил Ефремов - также актер.

- Мне ведомо. Это как операция, тебе делают под общим наркозом, и все. Жаль. Жизнь жал. Сейчас все меньше остается... Это мне и плохо.
- Ну да, ты же жалда! Ты привик! - Вот это ты права. Я был жалда! - Господь тебя ничем не обидел. Он кого любит, того и заставлял страдать.
- Я беру с собой в Париж всего одну книгу.
- Какую?
- Библию. Я не читал Ветхого Завета. Хочу прочесть.

Ольга КУЧКИНА.
Фото Игоря АЛЕКСАНДРОВА и Евгения УСПЕНСКОГО.

Дорогие читатели! В четверг, 28 октября, с 12.00 до 13.00 по московскому времени автор этого материала Ольга Андреевна Кучкина ждет ваших звонков по телефону (095) 257-58-24. Вы можете высказать свое мнение об интервью, передать пожелания Олегу Ефремову.

В театре Ефремов царствовал. А вот в кино недоиграл...

«Я смотрю на смерть просто: отключился, и все. Это как операция под общим наркозом. Жаль. Жить жал. Сейчас все меньше остается. Это мне и плохо»

С сыном Мишей. Вслед за отцом он тоже выберет профессию актера.

С сыном Мишей. Вслед за отцом он тоже выберет профессию актера.